

**Уинстон Черчилль. Вторая
мировая война. В 6 томах
(комплект из 3 книг)**

Про книгу

Главная книга о Второй мировой войне величайшего британца в истории.
Выпущена в шести томах (трех книгах).

УИНСТОН
ЧЕРЧИЛЛЬ

ВТОРАЯ
МИРОВАЯ
ВОЙНА

**WINSTON S.
CHURCHILL**

**THE SECOND
WORLD WAR**

HOUGHTON MIFFLIN COMPANY BOSTON

**УИНСТОН
ЧЕРЧИЛЛЬ**

**ВТОРАЯ
МИРОВАЯ
ВОЙНА**

ТОМА 1-2

Перевод с английского

Москва
2010

УДК 94(100)"1939/45"
ББК 63.3(0)62
Ч-50

Черчилль У.

Ч-50 Вторая мировая война: В 3 кн. Кн. 1. Т. 1: Надвигающаяся буря; Т. 2: Их звездный час / Уинстон Черчилль ; Сокр. пер. с англ. — М.: Альпина нон-фикшн, 2010. — 635 с.

ISBN 978-5-91671-063-2

Шеститомный труд У. Черчилля — героическая эпопея народов, выступивших против планетарной опасности, написанная выдающимся политиком, скрупулезным историком и талантливым литератором. Это летопись повседневного руководства страной государственного деятеля, чей вклад в общее дело победы антигитлеровской коалиции ни у кого не вызывает сомнений. Это размышления над прошлым, призванные послужить назиданием потомкам. В первой книге публикуются в сокращенном переводе с английского I и II тома мемуаров и описаны события с 1919 года по декабрь 1940 года, которые привели к ненужной, по словам автора, войне, которой можно было избежать.

УДК 94(100)"1939/45"
ББК 63.3(0)62

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу lib@alpinabook.ru.

Книга I: ISBN 978-5-91671-063-2 (рус.)
Книга 1–3: ISBN 978-5-91671-060-1 (рус.)
Volume I: ISBN 978-0-395-41055-4 (англ.)
Volume II: ISBN 978-0-395-41056-1 (англ.)

© Lady Spencer Churchill, the Honorable Lady Soames, and the Honorable Lady Sarah Audley, 1976
© Издание на русском языке, оформление. «Альпина нон-фикшн», 2010

Содержание

ТОМ 1

НАДВИГАЮЩАЯСЯ БУРЯ..... 9

Предисловие..... 11

Часть I

ОТ ВОЙНЫ К ВОЙНЕ (1919–1939 гг.)..... 13

Глава 1. Безрассудство победителей (1919–1929 гг.)..... 15

Глава 2. Мир в своем зените (1922–1931 гг.)..... 25

Глава 3. Подстерегающая опасность..... 29

Глава 4. Адольф Гитлер..... 36

Глава 5. Годы нашествия саранчи (1931–1935 гг.)..... 42

Глава 6. Атмосфера сгущается (1934 г.)..... 50

Глава 7. Равенство в воздухе утрачено (1934–1935 гг.)..... 60

Глава 8. Вызов и реакция на него (1935 г.)..... 65

Глава 9. Воздушные и морские проблемы (1935–1939 гг.)..... 75

Глава 10. Санкции против Италии (1935 г.)..... 79

Глава 11. Гитлер наносит удар (1936 г.)..... 88

Глава 12. Напряженная пауза — Испания (1936–1937 гг.)..... 96

Глава 13. Вооруженная Германия (1936–1938 гг.)..... 103

Глава 14. Иден в министерстве иностранных дел. Его отставка..... 109

Глава 15. Захват Австрии (февраль 1938 г.)..... 119

Глава 16. Чехословакия..... 129

Глава 17. Мюнхенская трагедия..... 138

Глава 18. Мюнхенская зима..... 148

Глава 19. Прага, Албания и польская гарантия
(январь — апрель 1939 г.)..... 155

Глава 20. Советская загадка..... 164

Глава 21. Накануне..... 177

Часть II

СУМЕРКИ ВОЙНЫ (3 СЕНТЯБРЯ 1939 г. — 10 МАЯ 1940 г.)..... 189

Глава 1. Война..... 191

Глава 2. Задача военно-морского министерства..... 198

Глава 3. Гибель Польши..... 207

Глава 4. Проблемы военного кабинета..... 213

Глава 5. Французский фронт..... 221

Глава 6. Борьба обостряется..... 231

Глава 7. Магнитная мина (ноябрь — декабрь 1939 г.)	236
Глава 8. Бой у реки Ла-Плата	242
Глава 9. Скандинавия, Финляндия	249
Глава 10. Мрачный Новый год	257
Глава 11. Перед бурей (март 1940 г.).....	266
Глава 12. Столкновение на море (апрель 1940 г.).....	275
Глава 13. Нарвик	284
Глава 14. Тронхейм.....	290
Глава 15. Неудачи в Норвегии	297
Глава 16. Норвегия. Заключительная фаза	306
Глава 17. Падение правительства.....	308

ТОМ 2

ИХ ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС

Предисловие.....	319
------------------	-----

Часть I

ПАДЕНИЕ ФРАНЦИИ

Глава 1. Национальная коалиция	323
Глава 2. Битва за Францию. Гамелен. Первая неделя (10—16 мая).....	335
Глава 3. Битва за Францию. Вейган. Вторая неделя (17—24 мая)	349
Глава 4. Марш к морю (24—31 мая).....	355
Глава 5. Дюнкеркское избавление (26 мая — 4 июня)	366
Глава 6. Погоня за добычей	376
Глава 7. Обрато во Францию (4—12 июня).....	385
Глава 8. Оборона метрополии (июнь)	396
Глава 9. Агония Франции.....	402
Глава 10. Бордоское перемирие	412
Глава 11. Адмирал Дарлан и французский флот. Оран	421
Глава 12. Аппарат контратаки (1940 г.)	429
Глава 13. У последней черты (июль 1940 г.)	434
Глава 14. Проблема вторжения.....	445
Глава 15. Операция «Морской лев»	457

Часть II

В ОДИНОЧЕСТВЕ

Глава 1. Битва за Англию	467
Глава 2. Блиц.....	477
Глава 3. Лондон выдержит.....	485
Глава 4. Война ученых	493
Глава 5. Американские эсминцы и вест-индские базы	505

Глава 6. Египет и Средний Восток (июнь — июль — август 1940 г.).....	512
Глава 7. Средиземноморский путь.....	524
Глава 8. Сентябрьские затруднения	530
Глава 9. Дакар	536
Глава 10. Миссия Идена (октябрь 1940 г.).....	544
Глава 11. Отношения с Виши и Испанией.....	548
Глава 12. Нападение Муссолини на Грецию (октябрь — ноябрь 1940 г.)....	560
Глава 13. Ленд-лиз	568
Глава 14. Германия и Россия.....	583
Глава 15. Опасность на океанах	598
Глава 16. Победа в Пустыне.....	603
Географический указатель	613
Именной указатель.....	628

МОРАЛЬ ЭТОГО ТРУДА

В ВОЙНЕ – РЕШИТЕЛЬНОСТЬ;

В ПОРАЖЕНИИ – МУЖЕСТВО;

В ПОБЕДЕ – ВЕЛИКОДУШИЕ;

В МИРЕ – ДОБРАЯ ВОЛЯ

НАДВИГАЮЩАЯСЯ БУРЯ

ТОМ 1

ТЕМА ТОМА

КАК НАРОДЫ, ГОВОРЯЩИЕ
НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ,
ИЗ-ЗА СВОЕГО
НЕБЛАГОРАЗУМИЯ,
ЛЕГКОМЫСЛИЯ
И ДОБРодУШИЯ ПОЗВОЛИЛИ
ВНОВЬ ВООРУЖИТЬСЯ
СИЛАМ ЗЛА

Предисловие

Я рассматриваю тома настоящего труда «Вторая мировая война» как продолжение истории Первой мировой войны, изложенной мною в книгах «Мировой кризис», «Восточный фронт» и «Последствия». Если данный труд будет завершен, вместе они составят летопись новой Тридцатилетней войны.

Как и в предыдущих томах, я по возможности придерживался метода Дефо, автора «Записок кавалера», где рассказ о событиях его личной жизни служит той нитью, на которую нанизываются факты истории и рассуждения по поводу важных военных и политических событий. Я являюсь, пожалуй, единственным человеком, который занимал видное место в правительстве во время обоих величайших катаклизмов, известных истории. При этом если во время Первой мировой войны я занимал хотя и ответственные, но все же подчиненные посты, то во время второй битвы с Германией я пять с лишним лет был главой правительства Его Величества. Поэтому в настоящей работе я оцениваю события с иной точки зрения и с большим авторитетом, чем это возможно было в более ранних моих книгах.

Почти всю свою официальную работу я выполнял, диктуя секретарям. Меморандумы, директивы, личные телеграммы, памятные записки, составленные мною за то время, что я был премьер-министром, насчитывают в общей сложности около миллиона слов. Эти документы, составлявшие изо дня в день под влиянием событий и на основе сведений, имевшихся лишь в тот момент, несомненно, окажутся во многих отношениях несовершенными. Тем не менее в совокупности они дают представление об этих грандиозных событиях в свете их тогдашней оценки человеком, который нес главную ответственность за ведение войны и за политику Британского Содружества наций и империи. Я сомневаюсь, чтобы где-либо и когда-либо существовала другая подобная летопись повседневного руководства войной и государственными делами. Я не называю ее историей: это задача другого поколения. Но я с уверенностью могу утверждать, что это вклад в историю, который принесет свою пользу в будущем.

Эти тридцать лет практической деятельности и пропаганды моих взглядов составляют дело моей жизни, служат его выражением, и я согласен, чтобы обо мне судили по ним. Я придерживался своего правила — никогда не критиковать задним числом какое бы то ни было военное или политическое мероприятие, если только я ранее не высказывал публично или официально своего мнения о нем либо предостережения. Во многих случаях я даже смягчил резкость споров, имевших место в свое время. Мне

не хотелось писать об этих разногласиях со столь многими людьми, которым я симпатизировал или которых уважал, но было бы неправильным лишать будущее уроков прошлого. На этих благородных, преисполненных добрых намерений людей, действия которых запечатлены на страницах данной книги, никто не должен смотреть свысока, не заглянув прежде в свое собственное сердце, не дав себе отчета в выполнении собственного общественного долга и не применив к собственному поведению в будущем уроков прошлого.

Не следует думать, что я ожидаю, что все согласится с высказываемыми мною взглядами, и тем более, что я пишу в расчете на популярность. Выступая со своим свидетельством, я руководствуюсь теми принципами, которые исповедую. Мною было сделано все возможное для проверки фактов, однако из захваченных документов и других появляющихся материалов постоянно выявляется многое, что может представить в новом свете выводы, к которым я пришел. Вот почему важно опираться на подлинные записи соответствующего периода и на высказывания, которые делались в ту пору, когда все еще было неясным.

Президент Рузвельт сказал мне однажды, что он публично просил вносить предложения относительно названия, которое должно быть присвоено этой войне. Я тотчас же предложил свое: «Ненужная война». Войну, которая совсем недавно разрушила то немногое, что уцелело от мира после предыдущей битвы, легче было остановить, чем любую другую. Несмотря на все усилия и жертвы, принесенные сотнями миллионов людей, несмотря на победу правого дела, мы все еще не обрели мира и безопасности и нам грозят опасности большие, чем те, которые мы преодолели. В этом высшая точка трагедии человечества. Я надеюсь, что размышления над прошлым могут послужить руководством для будущего, что они позволят новому поколению исправить некоторые ошибки прошлых лет и тем самым дадут ему возможность управлять надвигающимися величественными событиями будущего в соответствии с нуждами и честью человечества.

*Уинстон Спенсер Черчилль,
Чартуэлл, Уэстерхэм, Кент,
март 1948 года*

*...Размышления над прошлым
могут послужить руководством
для будущего...*

ОТ ВОЙНЫ К ВОЙНЕ (1919–1939 гг.)

ЧАСТЬ I

Безрассудство победителей (1919–1929 гг.)

По окончании мировой войны 1914 года почти все были глубоко убеждены и надеялись, что на всем свете воцарится мир. Это сокровенное чаяние всех народов легко можно было осуществить, твердо отстаивая справедливые убеждения и проявляя необходимый здравый смысл и благоразумие. Фраза «война за прекращение войн» была у всех на устах, и принимались меры к тому, чтобы претворить эту формулу в действительность. Президент Вильсон, олицетворявший, как все полагали, авторитет Соединенных Штатов, добился того, что идея создания Лиги Наций овладела умами. Английская делегация в Версале воплотила его идеи в форму документа, который навсегда останется вехой на трудном пути человечества. Победоносные союзники были в то время всемогущими, поскольку речь шла об их внешних врагах. Им приходилось, правда, сталкиваться с серьезными внутренними трудностями и многочисленными проблемами, на которые у них не было ответа, но на громадном пространстве Центральной Европы тевтонские державы, вызвавшие во всем мире смуту, лежали поверженные перед ними, а Россия, уже измолоченная германским цепом, сотрясаясь гражданской войной и все больше подпадала под власть большевистской, или коммунистической, партии.

* * *

Летом 1919 года союзные армии стояли вдоль Рейна, а их плацдармы вдавались далеко в глубь побежденной, разоруженной и голодающей Германии. В Париже руководители держав-победительниц вели споры и дискуссии относительно будущего. Перед ними лежала карта Европы, которую им предстояло перекроить по своему усмотрению. После 52 месяцев отчаянной борьбы, полной опасностей, судьба тевтонской коалиции зависела от милости победителей, и ни один из ее четырех участников не мог оказать ни малейшего сопротивления их воле. Германия, главарь и предводитель преступных сил, которую считали главной виновницей катастрофы, обрушившейся на весь мир, находилась во власти победивших государств, которые и сами едва держались на ногах после пережитых ими мучений. К тому же закончившаяся война была войной народов, а не правительств. Жизненная энергия величайших наций вся без остатка излилась в гнев и кровавой бойне. Военных руководителей, собравшихся в Париже, вынесла туда на своем гребне самая мощная и самая яростная волна, когда-либо вздымавшаяся в истории человечества. Давно миновали времена Утрехтского и Венского договоров, когда аристократические государственные деятели и дипломаты — как победители,

так и побежденные — собирались для вежливых и учтивых споров и, не ведая трескотни и разногласия демократии, могли перекраивать политические системы на основе принципов, разделявшихся всеми ими. Ныне десятки миллионов людей, доведенных до иступления страданиями и увлеченных различными доктринами, рассчитанными на массы, требовали, чтобы повсюду было осуществлено в полной мере. И горе руководителям, вознесенным ныне своим триумфом на головокружительные вершины, если за столом конференции они откажутся от того, что было завоевано солдатами на сотнях кровавых полей сражений!

Франция играла ведущую роль, на что ей давали право как ее усилия, так и понесенные ею потери. Около полутора миллионов французов погибло, защищая землю Франции от вторгнувшегося врага. Колокольни собора Парижской богородицы пять раз на протяжении ста лет — в 1814, 1815, 1870, 1914, 1918 годах — видели пламя, вырывавшееся из жерл прусских пушек, и слышали грохот их канонады. В течение ужасных четырех лет тринадцать провинций Франции находились в жестоких тисках прусского военного управления. Обширные районы систематически опустошались врагом либо покрывались развалинами в результате столкновения армий. От Вердена до Тулона не было такого дома, такой семьи, где бы не оплакивали своих погибших или не имели своих калек. Французам, которые сражались и страдали в 1870 году, — а таких в высших сферах было много, — казалось почти чудом, что Франция вышла победительницей из несравненно более страшной борьбы, которая только что закончилась. Всю свою жизнь они пребывали в страхе перед Германской империей. Они помнили превентивную войну, которую Бисмарк стремился развязать в 1875 году; они помнили грубые угрозы, вынудившие Делькассе уйти со своего поста в 1905 году; в 1906 году их потрясла марокканская угроза, в 1908 году — боснийский конфликт и в 1911 году — агадирский кризис. В Англии и Америке могли смеяться над «бронированным кулаком» кайзера и его речами о «сверкающем оружии», но в сердцах французов они звучали зловещим предвестником ужасных реальных событий. В страхе перед германским оружием они прожили почти пятьдесят лет. И вот ценой своей крови они сбросили с себя давно давившую их тяжесть. Наконец-то обретен мир и безопасность. В едином страстном порыве французский народ воскликнул: «Никогда больше!»

Однако будущее внушало мрачные предчувствия. Население Франции составляло менее двух третей населения Германии. При этом численность французского населения оставалась постоянной, в то время как германское население росло. Через десять лет, а быть может, и раньше, Германия должна была располагать вдвое большим, чем Франция, ежегодным контингентом молодежи призывного возраста. Германия почти в одиночку воевала чуть ли не с целым миром и едва не победила. Люди,

осведомленные больше других, отлично знали, что исход великой войны не раз был под вопросом и лишь разного рода случайности перевесили роковую чашу весов. Какие имелись шансы на то, что в будущем на полях Франции или на Востоке снова появятся миллионные армии великих союзников? Разорение и потрясение, пережитые Россией, сделали ее совершенно непохожей на прежнюю. Италия могла оказаться на стороне противника. Великобритания и Соединенные Штаты были отделены от Европы морями и океанами. Франция, истощенная, с поредевшим населением, но чувствовавшая себя бесспорной госпожой момента, вглядывалась в будущее со смешанным чувством благодарного удивления и гнетущего страха. Где же была та безопасность, без которой все, что было завоевано, теряло свою ценность и сама жизнь даже в разгар победных торжеств становилась едва выносимой? Жизненной необходимостью была безопасность — безопасность любой ценой, любыми средствами, как бы ни были они суровы или даже жестоки.

* * *

В день перемирия германские армии в полном порядке начали отход на родину. Увенчанный лаврами генералиссимус союзных армий маршал Фош, повинувшись чувствам солдата, заявил: «Они хорошо сражались. Оставим им их оружие». Однако он потребовал, чтобы французская граница отныне проходила по Рейну. Германия могла быть разоружена, ее военная система полностью разбита, а ее крепости скрыты; Германию можно разорить, ее можно обложить неограниченной контрибуцией; она может стать жертвой внутренних распрей — но все это минует через десять или двадцать лет. И тогда снова воспрянет несокрушимая мощь «всех германских племен», вновь запыхают неугасимые огни воинственной Пруссии. Но Рейн, широкий, глубокий и быстро текущий Рейн, укрепленный и находящийся в руках французской армии, явится барьером и щитом, под прикрытием которого многие поколения французов смогут жить спокойно. Совершенно иными, однако, были настроения и взгляды стран английского языка, без помощи которых Франция была бы побеждена. Территориальные статьи Версальского договора оставляли Германию фактически нетронутой. Она по-прежнему оставалась крупнейшим однородным национальным массивом в Европе. Маршал Фош, услышав о подписании Версальского мирного договора, удивительно верно сказал: «Это не мир. Это перемирие на двадцать лет».

* * *

Экономические статьи договора были злобны и глупы до такой степени, что становились явно бессмысленными. Германия была принуждена к выплате баснословных репараций. В этом диктате нашли свое отражение гнев держав-победительниц, а также вера их народов, что побежденную

страну или какое-либо сообщество людей можно обложить такой данью, которая способна возместить стоимость современной войны.

В действительности, однако, эти статьи не были выполнены. Напротив, в то время как общая сумма германских активов, захваченных странами-победительницами, составляла около одного миллиарда фунтов стерлингов, Германии было предоставлено несколько лет спустя, главным образом Соединенными Штатами и Великобританией, более полутора миллиардов фунтов, что дало ей возможность быстро ликвидировать разрушения, причиненные войной. Но так как эти, по видимости, великодушные действия все еще сопровождались механически повторяемыми воплями несчастного и озлобленного населения стран-победительниц и заверениями их правителей, что Германию заставят заплатить «все до последнего гроша», нечего было ожидать со стороны немцев благодарности или доброжелательности.

Германия уплатила или оказалась способной уплатить выжатую из нее впоследствии контрибуцию исключительно благодаря тому, что Соединенные Штаты щедро ссужали деньгами всю Европу, а ее — в особенности. В течение трех лет, с 1926 по 1929 год, США получили отовсюду в виде взносов в погашение долгов всего лишь около одной пятой той суммы, которую они предоставили Германии без всякой надежды на возврат. Ложные представления относительно помощи побежденной стране в сочетании с выгодной процентной ставкой по займам побудили и английских вкладчиков принять в них участие, хотя и в гораздо меньших масштабах, чем американских. Таким образом, Германия получила в виде займов два миллиарда фунтов стерлингов против одного миллиарда репараций, выплаченных ею в той или иной форме путем передачи своих активов или валютных ресурсов в иностранных государствах или путем ловких манипуляций с колоссальными американскими займами. Такова печальная история этой идиотской путаницы, на которую было затрачено столько труда и сил.

В кампании 1915 года центр борьбы переместился на русско-германский фронт, где действовало 107 немецких дивизий (в 1914 году — 52). Это обеспечило Франции и Англии передышку для мобилизации экономики на нужды войны.

В 1916 году наступление Юго-Западного фронта русской армии (Брусиловский прорыв) вынудило немцев перебросить на Восточный фронт с Западного и итальянского фронтов 30 пехотных и три кавалерийские дивизии. Оно облегчило положение французов у Вердена и заставило немцев прекратить наступательную Трентинскую операцию, способствовало ускорению распада Австро-Венгрии и выступлению Румынии на стороне Антанты. Русское наступление наряду с наступлением союзников на реке Сомма положило начало перелому в пользу Антанты в ходе Первой мировой войны.

* * *

Другой важнейшей трагедией был полный развал Австро-Венгерской империи в результате заключения Сен-Жерменского и Трианонского договоров. На протяжении многих столетий это уцелевшее воплощение Священной Римской империи давало возможность совместно жить, пользуясь преимуществами торговли и безопасности, большому числу народов, из которых в наше время ни один не обладал достаточной силой или жизнеспособностью, чтобы в одиночку противостоять давлению со стороны возрожденной Германии или России. Все эти народы хотели вырваться из рамок федерации или империи, и поощрение их в этом стремлении считалось либеральным политическим курсом. Происходила быстрая балканизация Юго-Восточной Европы, что имело своим следствием относительное усиление германского рейха, который, несмотря на усталость от войны и причиненные ею разрушения, оставался в целостности и располагал в этом районе подавляющей мощью.

Каждый народ, каждая провинция из тех, что составляли когда-то империю Габсбургов, заплатили за свою независимость такими мучениями, которые у древних поэтов и богословов считались уделом лишь обреченных на вечное проклятие.

Вена, эта благородная столица, очаг так долго защищавшейся культуры и традиций, центр столь многих шоссейных, речных и железнодорожных путей, была оставлена коченеть от холода и голода, подобно торговому центру в разоренном районе, покинутом большинством жителей.

Победители навязали немцам все то, что было идеалом, к которому издавна стремились либеральные страны Запада. Они были избавлены от бремени обязательной воинской повинности и от необходимости нести расходы, связанные с вооружением. Наконец, несмотря на то что они не располагали кредитом, им были навязаны огромные американские займы. В Веймаре была провозглашена демократическая конституция, соответствовавшая всем новейшим достижениям в этой области. После изгнания императоров избраны были ничтожества. А внизу этой шаткой конструкции бушевали страсти могучей, побежденной, но в основном оставшейся целой германской нации.

Предубеждение американцев против монархии, которое Ллойд Джордж не пытался рассеять, ясно показало поверженной империи, что в качестве республики она сможет рассчитывать на лучшее обращение со стороны союзников, нежели в качестве монархии. Если бы мы придерживались мудрой политики, мы увенчали бы и укрепили Веймарскую республику конституционным монархом в лице малолетнего внука кайзера, поставив над ним регентский совет. Вместо этого в национальной жизни германского народа образовалась зияющая пустота. Все сильные элементы, как военные, так и феодальные, которые могли бы

объединиться для поддержки конституционной монархии и ради нее стали бы уважать и соблюдать новые демократические и парламентские порядки, оказались на время выбитыми из колеи. Веймарская республика при всех ее достоинствах и совершенствах рассматривалась как нечто навязанное врагом. Она не сумела завоевать преданность или захватить воображение германского народа. Одно время он пытался в отчаянии ухватиться за престарелого маршала Гинденбурга. Затем мощные силы устремились по воле волн. Пустота раскрылась, и через некоторое время в эту пустоту вступил неукротимый маньяк, носитель и выразитель самых злобных чувств, когда-либо разъедавших человеческое сердце, — ефрейтор Гитлер.

* * *

Франция была обескровлена войной. Поколение французов, с 1870 года мечтавшее о реванше, добилось триумфа, но губительной для национально-го организма ценой. Зарю победы Франция встретила изможденной. Глубокий страх перед Германией обуял французский народ на другой же день после его ослепительного успеха. Именно этот страх побудил маршала Фоша требовать, чтобы граница Франции проходила по Рейну для обеспечения ее безопасности от гораздо более сильного соседа. Однако английские и американские государственные деятели считали, что включение во французскую территорию районов с немецким населением противоречило бы Четырнадцати пунктам, а также принципам национализма и самоопределения, на которых должен был основываться мирный договор. Поэтому они выступали против требований Фоша и Франции. Они заручились поддержкой Клемансо, пообещав ему, во-первых, совместную англо-американскую гарантию обороны Франции, во-вторых, демилитаризованную зону и, в-третьих, полное и длительное разоружение Германии. Клемансо согласился на это, невзирая на протесты Фоша и вопреки собственному чутью. Таким образом, Вильсон, Ллойд Джордж и Клемансо подписали гарантийный договор. Сенат Соединенных Штатов отказался ратифицировать договор*. Он не посчитался с подписью Вильсона. Нам, так считавшимся с мнениями и желаниями Вильсона во всем, что касалось установления мира, без особых церемоний было заявлено, что мы должны были бы лучше знать американскую конституцию. Французский народ, объятый страхом, гневом и смятением, тотчас же

* Сенат США отказался ратифицировать Версальский мирный договор из-за нежелания связывать США участием в Лиге Наций, устав которой был составной частью договора. Причиной тому было преобладание в Лиге Наций влияния Англии и Франции, что не устраивало правящие круги США. Отказавшись от ратификации Версальского договора, США заключили с Германией в августе 1921 г. отдельный договор, почти идентичный Версальскому, но не содержащий статей о Лиге Наций. — *Прим. канд. ист. наук А. С. Орлова.*

отказался от услуг Клемансо, этого сурового, властного человека с его мировым авторитетом и исключительными связями в английских и американских кругах.

«Неблагодарность по отношению к своим великим людям, — говорит Плутарх, — есть характерная черта сильных народов».

Однако со стороны Франции неблагоприятно было проявлять эту черту теперь, когда она была так прискорбно ослаблена. Восстановлению ее сил очень мало способствовало возобновление интриг между различными группировками и непрерывная смена правительств и министров, столь характерные для Третьей республики, — сколь бы выгодными или занятными эти интриги ни казались их участникам.

Пуанкаре, сильнейший из преемников Клемансо, пытался создать независимое Рейнское государство под покровительством и контролем Франции. Эта затея не имела ни малейших шансов на успех. Пытаясь принудить Германию к выплате репараций, он не поколебался с этой целью вторгнуться в Рурскую область. Эта мера, конечно, вынуждала Германию к соблюдению договорных обязательств, но она была сурово осуждена английским и американским общественным мнением.

Озлобление англичан против Германии, столь сильное вначале, очень скоро уступило место столь же сильному противоположному чувству. Возник разлад между Ллойд Джорджем и Пуанкаре, неуживчивый характер которого служил помехой его твердой и дальновидной политике. Обе страны разошлись как во взглядах, так и в действиях, и англичане стали усиленно проявлять свою симпатию к Германии и даже восхищение ею.

* * *

Едва была создана Лига Наций, как ей был нанесен почти смертельный удар. Соединенные Штаты отреклись от детища президента Вильсона, а затем его партия и его политический курс были сметены победой республиканцев на президентских выборах 1920 года.

На другой же день после победы республиканцев по ту сторону Атлантики восторжествовали изоляционистские идеи. Согласно этим идеям Европе надо предоставить возможность вариться в собственном соку и пусть она платит свои долги, как положено по закону.

На Вашингтонской конференции 1921 года Соединенные Штаты внесли далеко идущие предложения по морскому разоружению, и английское и американское правительства рьяно начали топить свои линкоры и разрушать свои военные базы. Все это делалось на основе довольно странной логики, согласно которой аморально разоружать побежденных, если и победители в свою очередь не лишат себя оружия. Англия и Соединенные Штаты осуждали Францию, которая была лишена и границы по Рейну, и гарантийного договора за то, что она сохранила, хотя и в сильно сокращенном размере, свою армию на основе всеобщей воинской повинности.

Соединенные Штаты дали понять Англии, что сохранение ее союза с Японией, который японцы так щепетильно соблюдали, будет служить помехой в англо-американских отношениях. В связи с этим союз был аннулирован. Этот акт произвел глубокое впечатление в Японии и был расценен как пощечина азиатской державе со стороны западного мира. Тем самым были порваны многие связи, которые в дальнейшем могли оказаться чрезвычайно ценными для сохранения мира. Таким образом, как в Европе, так и в Азии победоносные союзники быстро создавали обстановку, при которой во имя мира расчищался путь для новой войны.

Пока под неумолчный аккомпанемент благонамеренных банальностей, повторявшихся по обе стороны океана, происходили все эти досадные события, в Европе появился новый источник распри, более серьезный, чем империализм царей и кайзеров. Гражданская война в России завершилась полной победой большевистской революции. Правда, советские армии, двинувшиеся на покорение Польши, были отражены в битве под Варшавой, но Германия и Италия едва не стали жертвой коммунистических замыслов и пропаганды, а Венгрия действительно подпала временно под власть коммунистического диктатора Бела Куна. Хотя, по справедливому замечанию Фоса, «большевизм никогда не пересекал границ победителей», все же в первые послевоенные годы сотрясался весь фундамент европейской цивилизации. Фашизм был тенью или уродливым детищем коммунизма. В то же самое время, когда ефрейтор Гитлер оказывал услугу немецкому офицерству в Мюнхене, возбуждая у солдат и рабочих лютую ненависть к евреям и коммунистам, на которых он возлагал вину за поражение Германии, другой авантюрист — Бенито Муссолини предложил Италии новую форму правления, которая под предлогом спасения итальянского народа от коммунизма обеспечивала самому Муссолини диктаторскую власть. Так были поставлены на ноги эти родственные движения, коим суждено было в скором времени ввергнуть весь мир в еще более ужасную битву, которую никто не назовет окончившейся даже после их сокрушения.

* * *

Тем не менее оставалась еще прочная гарантия мира. Германия была разоружена. Вся ее артиллерия и иное оружие были уничтожены. Ее флот был уже потоплен в Скапа-Флоу самими немцами. Ее огромная армия была распущена. По Версальскому договору Германии разрешалось иметь для поддержания порядка в стране профессиональную армию, не превышающую сто тысяч человек, с длительным сроком службы, что лишало ее возможности накапливать для себя резервы. Теперь не было ежегодных очередных наборов рекрутов, которые проходили бы военное обучение; кадровый личный состав армии был распущен. Прилагались все усилия к тому, чтобы свести численность офицерского корпуса к минимуму.

Германии не разрешалось иметь какую-либо военную авиацию. Запрещалось иметь подводные лодки, а германский военно-морской флот был ограничен незначительным количеством судов, тоннаж которых не должен был превышать десяти тысяч тонн. Советская Россия была отгорожена от Западной Европы кордоном неистово ненавидевших большевизм государств, которые порвали с бывшей империей царей, принявшей теперь новую, еще более ужасную форму. Польша и Чехословакия, гордо подняв голову, провозгласили независимость, и их позиции в Центральной Европе казались прочными. Увенчанная лаврами французская армия была самой могучей военной силой в Европе, с которой никто не мог равняться; на протяжении нескольких лет считалось также, что и французская авиация является первоклассной.

Вплоть до 1934 года могущество победителей никем не оспаривалось в Европе, да, собственно говоря, и во всем мире. На протяжении всех этих шестнадцати лет не было такого момента, когда бы три бывших союзника или хотя бы Англия с Францией и их друзья в Европе не были бы в состоянии простым усилием воли держать в границах вооруженную мощь Германии, выступая от имени Лиги Наций и используя ее международный авторитет. Вместо этого вплоть до 1931 года победители, и в особенности Соединенные Штаты, сосредоточивали свои усилия на том, чтобы вымогать у Германии ежегодные репарационные платежи, для чего ее подчиняли раздражающему иностранному контролю. Поскольку эти платежи могли производиться лишь благодаря гораздо более крупным американским займам, вся эта процедура сводилась к полнейшему абсурду. Единственным ее плодом было чувство вражды.

С другой стороны, строгое соблюдение статей мирного договора о разоружении в любой период до 1934 года обеспечило бы на неограниченный срок без всякого насилия и кровопролития мир и безопасность человечества. Однако, пока нарушения оставались мелкими, этим пренебрегали, когда же они стали серьезными, от этого начали уклоняться. Так была отброшена последняя гарантия длительного мира. Преступления побежденных находят свое объяснение, но, конечно, отнюдь не оправдание, в безрассудстве победителей. Если бы не это безрассудство, не было бы ни соблазна, ни возможностей для преступления.

* * *

На этих страницах я пытаюсь воспроизвести некоторые из событий и впечатлений, из которых в моем сознании складывается история самой страшной трагедии, когда-либо обрушивавшейся на человечество за всю его бурную историю. Она проявилась не только в уничтожении жизней и материальных ценностей, неотделимом от войны.

Во Второй мировой войне всякие связывавшие людей узы исчезли. Немцы совершили под гитлеровским владычеством, на которое они сами

позволили себя обречь, такие преступления, которые во всей истории человечества не имеют себе равных по масштабам и чудовищности злодеяний. Массовое и систематическое истребление шести или семи миллионов мужчин, женщин и детей в немецких лагерях смерти затмевает своей чудовищностью резню, наспех учинявшуюся Чингисханом, масштабы этой последней кажутся сравнительно ничтожными. Отвратительные бомбардировки немцами открытых городов с воздуха вызвали двадцатикратный по своей мощи ответ со стороны все возраставших воздушных сил союзников. Он достиг своего кульминационного пункта в применении атомных бомб, которые стерли с лица земли Хиросиму и Нагасаки.

И вот мы наконец миновали период такого материального разрушения и упадка морали, какие в прежние века нельзя было себе даже и представить. Но после всего пережитого и достигнутого нами мы все еще стоим перед проблемами и опасностями ничуть не менее, а несравненно более грозными, чем те, с которыми мы с таким трудом справились.

Как один из тех, кто жил и действовал в те дни, я ставлю своей целью показать прежде всего, как легко можно было бы предотвратить трагедию мировой войны; как злонамеренность порочных была подкреплена слабостью добродетельных; как в структуре и обычаях демократических государств, если только они не сольются в более крупные организмы, отсутствуют те элементы устойчивости и убежденности, которые только и могут обеспечить безопасность простым людям. Мы увидим, как призывы к благоразумию и сдержанности могут стать главным источником смертельной опасности; как средний курс, избранный под влиянием стремления к безопасности и спокойной жизни, может оказаться ведущим к катастрофе. Мы увидим абсолютную необходимость широких международных действий, постоянно совместно осуществляемых многими государствами, независимо от каких-либо перемен в их внутренней политике.

Нетрудно было сохранить Германию в течение тридцати лет разоруженной, а победителей — должным образом вооруженными. Тем временем, даже если бы не удалось достигнуть примирения с Германией, следовало создавать и всемерно укреплять подлинную Лигу Наций, способную обеспечить соблюдение договоров, с тем чтобы они могли изменяться лишь на основе обсуждения и соглашения. Когда три или четыре могущественных правительства, выступая совместно, потребовали самых страшных жертв от своих народов и эти жертвы были добровольно принесены ради общего дела, когда наконец долгожданный результат был достигнут, казалось разумным ожидать, что согласованность действий будет сохранена, хотя бы в наиболее существенном. Однако победители не смогли выполнить этого скромного требования, несмотря на всю свою мощь, цивилизацию, знания и науку. Они жили сегодняшним днем, без уверенности в будущем и от одних выборов до других, пока через каких-нибудь двадцать лет не прозвучал страшный сигнал, оповестивший о Второй мировой войне.

Глава 2

Мир в своем зените (1922–1931 гг.)

В 1922 году в Англии появился новый лидер. В годы мировой драмы Стенли Болдуин не был известен и не привлекал к себе внимания. Во внутренних делах его роль также в то время была скромной. Во время войны он был начальником одного из управлений в министерстве финансов, а в описываемый период — министром торговли. Руководящее положение в английской политике он стал занимать с октября 1922 года, когда вытеснил Ллойда Джорджа, и до мая 1937 года, когда, осыпанный почестями и окруженный всеобщим уважением, он сложил с себя тяжкое бремя своих обязанностей и с достоинством молча удалился в свою усадьбу в Вустершире.

В начале 1923 года Бонар Лоу отказался от поста премьер-министра, удалился от дел и вскоре скончался, сраженный жестоким недугом. Его преемником на посту премьера стал Болдуин.

Так начался четырнадцатилетний период, который можно назвать «правлением Болдуина — Макдональда». В течение всего этого времени Болдуин был если не официально, то фактически либо главой правительства, либо лидером оппозиции. Поскольку же Макдональд никогда не располагал достаточным большинством, Болдуин в обеих своих ролях — в правительстве или в оппозиции — являлся руководящей политической фигурой в Англии. Эти два государственных деятеля управляли страной вначале поочередно, а затем в политическом содружестве.

Около пяти лет я жил рядом с Болдуином, на Даунинг-стрит, 1. Почти каждое утро, направляясь в министерство финансов, я заглядывал к нему, чтобы потолковать несколько минут. Поскольку я был одним из его ближайших коллег, я нес свою долю ответственности за все, что произошло в тот период. Эти пять лет были ознаменованы весьма значительным восстановлением экономики страны. Это был период деятельности умелого, уравновешенного правительства, которое из года в год постепенно добивалось заметного улучшения.

Особенно отличилось наше правительство в Европе. В Германии пришел теперь к власти Гинденбург. Фридрих Эберт, лидер германской социал-демократической партии до войны и первый после поражения президент Германской республики, умер в конце февраля 1925 года. Предстояли выборы нового президента. Народ был измучен и сбит с толку всем тем, что ему пришлось пережить, а многочисленные партии и группы боролись друг с другом за власть и влияние.

Вся эта смута породила сильное желание обратиться за помощью к старому фельдмаршалу фон Гинденбургу, проживавшему в достойном

уединении. Гинденбург оставался верен изгнанному императору и был сторонником восстановления монархии «по английскому образцу».

Соперниками Гинденбурга на выборах выступали кандидат партии католического центра Маркс и коммунист Тельман. В воскресенье 26 апреля вся Германия голосовала. Разница между числом голосов, собранных первыми двумя кандидатами, неожиданно оказалась незначительной:

Гинденбург — 14 655 760,
Маркс — 13 751 615,
Тельман — 1 931 151.

Несмотря на то что прославленное имя Гинденбурга, его нежелание выставлять свою кандидатуру и незаинтересованность в победе на выборах давали ему огромные преимущества перед его соперниками, он был избран большинством менее чем в миллион голосов, не получив абсолютного большинства. Когда сын Оскар разбудил его в 7 часов утра, чтобы сообщить об избрании, он с упреком сказал ему: «Зачем тебе понадобилось будить меня на целый час раньше? Ведь ничего бы не изменилось и в 8 часов». С этими словами он вновь уснул и проспал до обычного своего часа пробуждения.

Во Франции избрание Гинденбурга расценили вначале как возрождение германской угрозы. В Англии реакция была более спокойной. Я всегда желал, чтобы Германия восстановила свою репутацию и чувство собственного достоинства, чтобы улеглось озлобление, порожденное войной, и поэтому отнюдь не был огорчен этой новостью.

«Он весьма здравомыслящий старик», — сказал мне Ллойд Джордж при следующей нашей встрече.

Таким он и был в действительности, пока не покинули его силы. Даже некоторые из наиболее непримиримых его противников были вынуждены признать: «Лучше ничтожество, чем Нерон»*. Однако Гинденбургу было уже 77 лет, а срок его полномочий исчислялся в семь лет. Мало кто ожидал, что он снова будет избран. Он всячески старался сохранять беспристрастность по отношению к различным партиям, и годы его президентства, несомненно, дали Германии возможность обрести умеренную силу и спокойствие, не создав какой-либо угрозы для ее соседей.

* * *

В феврале 1925 года германское правительство направило меморандум тогдашнему премьер-министру Франции Эррио. В этом меморандуме выражалась готовность Германии принять такой пакт, по которому державы, имеющие интересы на Рейне, прежде всего Англия, Франция, Италия и Германия, взяли бы на себя на длительный срок торжественное

* Слова Теодора Лессинга, убитого нацистами в сентябре 1933 г.

обязательство не вести войны против стран — участниц пакта. Роль гаранта должно было взять на себя правительство Соединенных Штатов. Кроме того, для Германии был бы приемлемым пакт, ясно гарантирующий сохранение существующего территориального положения на Рейне. В августе французы в полном согласии с Великобританией дали Германии официальный ответ. В качестве первого и необходимого шага Германия должна была безоговорочно вступить в Лигу Наций. Германское правительство приняло это условие. Это означало, что положения договоров оставались в силе, если только (или до тех пор пока) они не будут изменены по взаимному соглашению, и что не давалось никаких определенных обязательств относительно сокращения вооружений союзников.

На этой основе 4 октября была создана конференция в Локарно. На берегу тихого озера собрались делегаты Англии, Франции, Германии, Бельгии и Италии. Результаты конференции были таковы: во-первых, общий гарантийный договор между пятью державами; во-вторых, германо-французский, германо-бельгийский, германо-польский и германо-чехословацкий арбитражные договоры; в-третьих, специальные соглашения между Францией и Польшей и между Францией и Чехословакией, в силу которых Франция обязывалась оказать им помощь, если вслед за нарушением Западного пакта* они подвергнутся неспровоцированному вооруженному нападению. Таким образом, западноевропейские демократии согласились при всех обстоятельствах поддерживать мир между собой и сплоченно выступать против любого из них, кто нарушит договор и совершит агрессию против братской страны.

Что же касается Франции и Германии, то Великобритания торжественно обязалась прийти на помощь тому из этих двух государств, которое станет объектом неспровоцированной агрессии. Это далеко идущее военное обязательство было принято парламентом и горячо одобрено народом. Обязательство это не имеет себе подобных в истории.

Вопрос о том, брали ли Франция или Англия на себя какое-либо обязательство по разоружению вообще или же разоружению до какого-то определенного уровня, не был затронут. Я в качестве министра финансов был привлечен к обсуждению всех этих вопросов еще на ранней стадии. Мое личное мнение относительно этой двусторонней гарантии сводилось к следующему: пока Франция остается вооруженной, а Германия разоруженной, Германия не может напасть на нее; Франция никогда не совершит нападения на Германию, если это автоматически повлечет за собой превращение Англии в союзницу Германии. Таким образом, хотя этот план и казался опасным (ибо он фактически обязывал нас принять участие на стороне той или другой державы в любой могущей возникнуть франко-германской войне), вероятность подобной катастрофы была очень

* Имеется в виду Локарнский договор.

невелика и во всяком случае это был самый хороший способ предотвратить ее. Было очевидно, что создавалась бы опасность, если бы Германия когда-нибудь более или менее догнала Францию по вооружениям и тем более если бы она стала сильнее Франции. Но все это как будто исключалось торжественными обязательствами договора.

* * *

Локарнский пакт касался лишь обеспечения мира на Западе, но была надежда, что продолжением его явится, по тогдашнему выражению, «восточное Локарно». Мы были бы очень рады, если бы оказалось возможным ограничить опасность возникновения когда-либо в будущем войны между Германией и Россией в соответствии с теми же принципами и с помощью тех же средств, что и возможность войны между Германией и Францией. Но даже штреземановская Германия не была склонна окончательно отказаться от своих притязаний на Востоке или согласиться с территориальными положениями мирного договора, касающимися Польши, Данцига, Польского коридора и Верхней Силезии. Хотя мы продолжали свои попытки, никакого прогресса на Востоке достигнуто не было. После заключения нашего Локарнского договора и эвакуации Рейнской области, осуществленной французской армией и контингентами союзных войск раньше срока, предписанного в Версале, установилось дружественное отношение к Германии. Новая Германия заняла свое место в Лиге Наций. Под плодотворным влиянием американских и английских займов восстановление Германии шло очень быстро. Ее торговля расширялась с невероятной быстротой, повышалось внутреннее благосостояние страны. Франция с ее системой союзов тоже, казалось, занимала в Европе надежные позиции. Статьи Версальского договора, касающиеся разоружения, не были открыто нарушены. Германского военно-морского флота не существовало. Германская авиация находилась под запретом и еще не родилась. В Германии имелись многочисленные круги, решительно отвергавшие, хотя бы только по соображениям благоразумия, идею войны, а германское верховное командование не могло и думать о том, что союзники позволят немцам перевооружиться.

1929 год почти до конца своего третьего квартала протекал под знаком надежд и видимости растущего процветания, особенно в Соединенных Штатах. Чрезвычайный оптимизм породил настоящую оргию спекуляций. Были написаны книги, в которых доказывалось, что наука и становящийся все более организованным деловой мир справились наконец-то с таким явлением, как экономический кризис. «По-видимому, мы уже навсегда покончили с экономическими циклами, какими мы знали их прежде», — заявил в сентябре президент нью-йоркской биржи. А в октябре на Уолл-стрит обрушился внезапный жестокий ураган.

Все богатство, так быстро накопленное в предшествующие годы в виде бумажных ценностей, исчезло. Процветание миллионов американских семей, выросшее на гигантском фундаменте раздутого кредита, внезапно оказалось иллюзорным. Мощные промышленные предприятия оказались выбитыми из колеи и парализованными. За биржевым крахом, в период между 1929 и 1932 годами, последовало непрерывное падение цен и как следствие этого сокращение производства, вызвавшее широкую безработицу.

Последствия этого расстройтва экономической жизни затронули весь мир. В связи с безработицей и сокращением производства произошло свертывание торговли. С целью защиты внутренних рынков были введены тарифные ограничения ввоза. Всеобщий кризис повлек за собой острые денежные затруднения и парализовал внутренний кредит. А это в свою очередь привело к тому, что разорение и безработица широко распространились по всему миру. Последствием этого явились бедствия, обрушившиеся на Германию и другие европейские страны.

Глава 3

Подстерегающая опасность

В моей книге «Последствия» я суммировал некоторые впечатления тех четырех лет, что протекли между перемирием и сменой правительства в Англии в конце 1922 года. Эта книга писалась в 1928 году, когда я остро ощущал надвигающуюся катастрофу.

«Война начала вступать в свои права потенциального истребителя рода человеческого лишь на заре двадцатого столетия христианской эры. Объединение человечества в крупные государства и империи и пробуждение у народов коллективного самосознания позволили планировать и осуществлять кровопролитие в таких масштабах и с таким упорством, о которых раньше не имели даже представления. Все благороднейшие качества отдельных личностей были собраны воедино ради усиления разрушительной мощи массы. Надежные финансы, возможности, предоставляемые всемирным кредитом и торговлей, накопление крупных резервов капитала — все это позволяло на длительные периоды переключать энергию целых народов на дело разрушения.

Демократические институты создали средства для выражения воли миллионов. Образование не только позволяло всякому разбираться в ходе конфликта, но и сделало каждую отдельную личность подготовленной к выполнению стоящей задачи. Печать явилась средством объединения и взаимного возбуждения. Религия, благоразумно не касаясь основных

причин конфликта, беспристрастно предлагала всем воюющим сторонам свою поддержку и утешение во всех известных ей формах. Наконец, наука в ответ на неистовые домогательства людей раскрыла перед ними свои сокровища и тайны и вложила в их руки средства почти предельного совершенства.

В связи с этим появились многочисленные новшества. Вместо того чтобы брать измором укрепленные города, стали методически ослаблять или пытаться ослаблять с помощью голода целые государства.

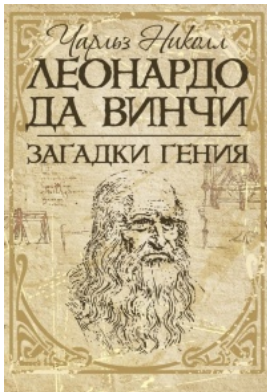
Все население так или иначе принимало участие в войне, и все в равной мере стали объектом нападения. В небе открылись пути, по которым смерть и ужас могли обрушиваться далеко за линиями фронтов на женщин, детей, стариков и больных — на тех, кого в прежних войнах щадили по необходимости. Великолепная организация железных дорог, паровозного сообщения и автомобильного транспорта позволяла доставлять в нужные пункты и постоянно использовать в деле десятки миллионов людей. Медицинский уход и хирургия, достигшие блестящего развития, снова и снова возвращали людей в строй для участия в боине. Ничто не должно было пропадать зря. Последний вздох умирающего — и тот обращался на цели войны.

Война прекратилась столь же внезапно и повсеместно, как и началась. Человечество подняло голову, окинуло взором зрелище разрушения, и как победители, так и побежденные перевели дух. В сотнях лабораторий, в тысячах арсеналов, заводов и всевозможных бюро люди, резко затормозив, прекратили работу, которой были поглощены. Их проекты были отложены в сторону, не доведенные до конца, неосуществленные, но их знания сохранялись. Военные ведомства во всех странах поспешно собрали полученные ими данные, их вычисления и открытия в папки с надписью “для последующего рассмотрения”.

В этих-то условиях мы и вступили в тот период истощения, которому было присвоено наименование “мир”. Он дает нам по крайней мере возможность оценить общую обстановку. При этом вырисовывается ряд печальных фактов, таких же твердых и неотвратимых, как горы, очертания которых проступают сквозь туман. Установлено, что отныне в войнах будут участвовать целые народы: все будут прилагать максимум усилий, все будут испытывать на себе ярость врага. Установлено, что народы, считающие, что на карту поставлено их существование, не остановятся перед применением любых средств ради своего спасения. Вполне вероятно, более того, несомненно, что среди орудий, которыми они будут располагать в следующей войне, окажутся средства и методы массового неограниченного разрушения, которые, будучи применены, могут выйти из-под контроля.

Человечество никогда ранее не находилось в подобном положении. Не достигнув заметных успехов в моральном совершенствовании и не обретя более мудрого руководства, оно впервые получило в руки орудия,

Рекомендована література

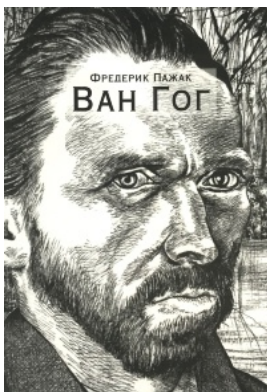
Леонардо да Винчи.
Загадки гения

Развитие
математического мышления ребенка
дошкольного и
младшего школьного
возраста в процессе
обучения

Воспитание сердцем.
Без правил и условий

Ван Гог.
Иллюстрированная
биография

Мені 5 років

Перейти до категорії
Біографії і мемуари

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ